

Изучение гендерной самооценки и специфики субъективного гендерного пространства у юношей, совершивших насильственные преступления сексуального характера и просоциальных юношей

Е. М. ДЗЮМАН, Ю.А. ТОКАРЕВА, Е.А. КАЗАЕВА, И. А. КУРОЧКИНА

АННОТАЦИЯ

Введение. Растущая личность, в юношеский период, оказываясь на пороге взрослой жизни, сталкивается с трудностями в определении собственной интимной перспективы и ценностных ориентиров на будущее. Различные направления и взгляды на интимные отношения создают ситуацию выбора, понимания себя и быстрого реагирования. При этом все большее значение приобретают установки личности, стереотипы, ожидания, которые зачастую имеют не просто не сформированный, а деструктивный характер.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей гендерной самооценки и характеристик субъективного гендерного восприятия у трех групп юношей: тех, кто совершил сексуальные преступления, насильственные преступления и просоциальных молодых людей.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 135 юношей в возрасте 16-18 лет, включая лиц, обвиняемых в насильственных, сексуальных преступлениях и представителей просоциальной группы. Анализ особенностей гендерной самооценки и субъективного гендерного восприятия был проведен с применением методики "Личностный семантический дифференциал".

Результаты исследования. Выявлены уникальные аспекты гендерной самооценки и восприятия гендерного пространства у юношей, причастных к сексуальным преступлениям. Так, показатели самооценки представителей этой группы, указывает на ее неадекватность, что выражается, с одной стороны, в достоверно более низких оценках сформированности у себя маскулинных характеристик, в частности, активности ($A_c = 23,14$; $p < 0,05$) и достоверно более выраженных эмоциональных качеств ($A_c = 10,08$; $p < 0,05$). С другой стороны, неадекватность самооценивания обнаруживается как низкий уровень самопринятия ($O_c = 12,66$), различия с аналогичными показателями в «оценках мужчин» статистически значимы ($p < 0,05$). Профили идеального мужчины и мужчин вообще характеризуются более высокими показателями выраженности маскулинных качеств, достоверно (на 95%-ном уровне) отличаясь от аналогичных показателей в группе просоциальных юношей. В гендерных представлениях насильственных делинквентов девушкам-сверстницам приписывается большая выраженность маскулинных характеристик ($A_{kd} = 22,07$; $V_d = 16,12$; $p < 0,05$) и меньшая традиционно фемининных свойств ($Эмд = 15,63$; $Нрд = 10,24$; $p < 0,01$).

Заключение. Исследование представляет базу для разработки и внедрения программ, направленных на профилактику и коррекцию поведенческих тенденций юношей, предрасположенных к совершению сексуальных преступлений. Полученные данные могут помочь в разработке программ, направленных на поддержку социальной адаптации юношей с поведенческими проблемами и повышении эффективности работы педагогов, психологов и социальных работников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гендерная самооценка, сексуально-девиантное поведение, сексуальные преступления, несовершеннолетние

Для цитирования: Дзюман Е. М., Токарева Ю. А., Казаева Е. А., Курочкина И. А. Изучение гендерной самооценки и специфики субъективного гендерного пространства у юношей, совершивших насильственные преступления сексуального характера и просоциальных юношей // Перспективы науки и образования. 2025. № 1. С. 512–529. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.1.32>

Поступила: 11.08.2024 | Одобрена: 05.11.2024 | Опубликовано: 28.02.2025

Лицензия «С указанием авторства — С сохранением условий». Позволяет перерабатывать, исправлять и развивать произведения при условии указания авторства и лицензирования производных работ на аналогичных условиях.

Study of gender self-esteem and the specifics of subjective gender space among young men who have committed violent crimes of a sexual nature and prosocial young men

E. M. DZYUMAN, YU. A. TOKAREVA, E. A. KAZAEVA, I. A. KUROCHKINA

ABSTRACT

Introduction. A growing personality, in adolescence, finding itself on the threshold of adulthood, faces difficulties in determining its own intimate perspective and value guidelines for the future. Different directions and views on intimate relationships create a situation of choice, self-understanding and quick response. At the same time, personal attitudes, stereotypes, and expectations, which often are not just unformed, but destructive, are becoming increasingly important.

The purpose of this study is to identify the features of gender self-esteem and characteristics of subjective gender perception in three groups of young men: those who committed sexual crimes, violent crimes and prosocial young people.

Materials and methods. The study involved 135 young men aged 16-18, including those accused of violent, sexual crimes and representatives of the prosocial group. The analysis of the features of gender self-esteem and subjective gender perception was carried out using the "Personal Semantic Differential" technique.

Research results. Unique aspects of gender self-esteem and perception of gender space in young men involved in violent sexual crimes have been revealed. Thus, the indicators of self-esteem of representatives of this group indicate its inadequacy, which is expressed, on the one hand, in reliably lower assessments of the formation of masculine characteristics in themselves, in particular, activity ($Ac = 23,14$; $p < 0.05$) and reliably more pronounced emotional qualities ($Ac = 10,08$; $p < 0.05$). On the other hand, the inadequacy of self-esteem is revealed as a low level of self-acceptance ($Ocs = 12,66$), the differences with similar indicators in the "assessments of men" are statistically significant ($p < 0.05$). The profiles of the ideal man and men in general are characterized by higher indicators of the expression of masculine qualities, reliably (at the 95% level) differing from similar indicators in the group of prosocial young men. In the gender perceptions of violent delinquents, female peers are attributed with a greater expression of masculine characteristics ($Acd = 22.07$; $Vd = 16.12$; $p < 0.05$) and a lesser expression of traditionally feminine properties ($Emd = 15.63$; $Nrd = 10.24$; $p < 0.01$).

Conclusion. The study provides a basis for the development and implementation of programs aimed at preventing and correcting the behavioral tendencies of young men predisposed to committing sexual crimes. The data obtained can help in developing programs aimed at supporting the social adaptation of young men with behavioral problems and increasing the effectiveness of the work of teachers, psychologists and social workers.

KEYWORDS

gender self-assessment, sexually deviant behavior, sexual crimes, minors

For Citation: Dzyuman, E. M., Tokareva, Yu. A., Kazaeva, E. A., & Kurochkina, I. A. (2025). Study of gender self-esteem and the specifics of subjective gender space among young men who have committed violent crimes of a sexual nature and prosocial young men. *Perspektivy nauki i obrazovania = Perspectives of Science and Education*, (1), 512–529. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.1.32>

Received: 11 August 2024 | Approved: 5 November 2024 | Published: 28 February 2025

This is an open access article distributed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike International License (CC-BY-SA 4.0) that allows others to share the work with an acknowledgement of the work's authorship and initial publication in this journal

ВВЕДЕНИЕ

В недавнем докладе ЮНЕСКО говорится об острой проблеме современного общества – насилии и издевательства со стороны несовершеннолетних. Эксперты собрали данные по 144 странам мира. В ООН призывают государства бороться активно с этой проблемой. С этой целью запущена новая кампания «Учиться в безопасности». Ее разработали эксперты Глобального партнерства по прекращению насилия в отношении несовершеннолетних, в которое также входят ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ.

В Стратегии национальной безопасности России подчеркивается необходимость борьбы с преступностью несовершеннолетних, поскольку ее уровень и тенденции являются важными показателями морального состояния общества в целом.

В настоящее время в России проводится судебно-правовая реформа, которая выявила две противоположные тенденции. С одной стороны, государство отказывается от карательной практики и переходит к "охранно-защитной профилактике", которая включает в себя комплекс мер помощи несовершеннолетним. С другой стороны, возрастающая опасность преступности несовершеннолетних и общественное мнение настаивают на ужесточении уголовных мер и снижении возраста уголовной ответственности. Однако, для возможности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, они должны обладать достаточным уровнем социальной зрелости и самосознания, что подразумевает умение иметь собственные позиции и руководить своими действиями. В связи с этим, правоохранительным органам и органам юстиции необходимо научно обоснованно оценивать общественную опасность личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, и разрабатывать адекватные методы судебно-психологической оценки несовершеннолетних. Для этого необходимо проводить глубокий анализ психологических механизмов формирования девиантного поведения несовершеннолетних, что связано с педагогической психологией [8; 25].

Данный текст отражает проблему преступлений несовершеннолетних против половой неприкосновенности и половой свободы личности и связывает ее с педагогической психологией. Эти преступления имеют высокий уровень латентности, возможность рецидива и нанесения серьезного вреда физическому и психическому здоровью потерпевших, что увеличивает общественную опасность [13; 14]. Для решения этой проблемы необходимо изучать психологические механизмы формирования такого рода девиантного поведения несовершеннолетних. В этой связи педагогическая психология играет важную роль, так как позволяет разработать научно обоснованные методы и подходы к работе с несовершеннолетними, включая комплекс мер социальной, правовой, медицинской, педагогической и психологической помощи. Такой комплексный подход способен оказать влияние на психологические механизмы формирования девиантного поведения несовершеннолетних и помочь предотвратить подобные преступления в будущем.

Цель статьи: исследование направлено на изучение и сравнение особенностей гендерной самооценки и субъективного гендерного восприятия у двух групп юношей: совершивших сексуальные, насильственные преступления и демонстрирующих просоциальное поведение.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В научной литературе выделен один из основных механизмов, который подлежит судебно-психологической оценке – это нарушения полового самосознания несовершеннолетних. Такие нарушения имеют особую важность в контексте педагогической психологии, так как они могут указывать на проблемы в развитии личности ребенка и требовать педагогического вмешательства. В частности, педагогические психологи могут использовать судебно-психологическую оценку нарушений полового самосознания для определения специфических потребностей и проблем детей и для разработки соответствующих педагогических стратегий [2; 27].

Механизмы, описанные в научной литературе, достаточно точно объясняют происхождение девиантных и криминальных форм сексуального поведения. Механизм "соучастия по преступлению" может быть применен для изучения преступлений, связанных с нарушением морали,

а также большинства форм сексуальных девиаций. Сексуальные преступления агрессивного и насильственного характера обычно возникают из-за механизма "интенсификации конфликта", а также из-за обвинений жертвы как "амбивалентного другого" [3; 4].

В юношеском возрасте происходит формирование личности, которое включает в себя усвоение системы противоправных установок, поиск неадекватных средств удовлетворения собственных потребностей и вхождение в асоциально направленные группы сверстников. Этот процесс учитывает сензитивные и критические периоды индивидуального развития человека, и характеризуется определением себя в социально неодобряемых формах поведения [12].

Несмотря на идеи Л.В. Выготского, Б.Г. Ананьева и их последователей, таких как Б.М. Теплова и Н.С. Лейтеса, которые подчеркивали необходимость изучения возрастной чувствительности и отзывчивости на различные условия среды в различные возрастные периоды, в психологии до сих пор недостаточно изучены сензитивные периоды с повышенной возрастной чувствительностью. Особенно важно изучение сензитивных периодов с практической точки зрения, например, для формирования гендерно-ролевых установок.

Одной из основных задач современной психологии является изучение гендерных и ролевых установок в период перехода от юности к зрелости. Этот период сопряжен с радикальными изменениями во всех сферах жизни, включая отношение к полу, сексуальности и личной жизни. Подросток, вступая во взрослую жизнь, сталкивается с трудностями определения своих ценностных ориентиров и интимных перспектив. В таких ситуациях требуется быстрое реагирование и принятие решений, при этом стереотипы, ожидания и установки личности становятся все более значимыми, хотя зачастую могут иметь деструктивный характер [7; 10].

По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, количество несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений, продолжает оставаться на достаточно высоком уровне. В 2018 году было осуждено 23586 несовершеннолетних, в 2019 году – 22939, в 2020 году – 23939, в 2021 году – 20646, а в 2022 году – 18826.

Изучение гендерно-ролевых установок в области интимных отношений у юношей, привлеченных к уголовной ответственности за совершение сексуальных преступлений, является актуальным в свете потребности в использовании научно-обоснованного подхода к организации и проведению профилактической работы с правонарушителями. Такой подход должен основываться на психологической диагностике и направлен на предоставление своевременной адекватной психологической помощи [34].

В настоящее время выявление наиболее значимых гендерно-ролевых установок в психологии личности затруднено из-за того, что они не возникают отдельно друг от друга, а являются результатом взаимодействия различных факторов и причин, которые вместе образуют комплекс симптомов.

В период юношеского возраста психосексуальное развитие и поведение личности обладают своей уникальной природой и тесно связаны с такими понятиями, как "норма", "девиантность" и "социализация". Изучение этих понятий может помочь лучше понять факторы, способствующие возникновению и формированию преступного поведения [15; 28].

В большинстве исследований преступного поведения личности выделяются биологические, психологические и социальные факторы. В данной работе предлагается рассмотреть эти факторы в разрезе внешних и внутренних, определяемых социальными условиями развития личности и психобиологическими предпосылками соответственно. Для этого использован комплексный подход, который позволит более глубоко понять факторы, влияющие на возникновение и формирование преступного поведения [1; 17].

Определение соотношения между внешними и внутренними факторами, влияющими на делинквентное поведение личности, является сложным процессом, поскольку они взаимодействуют друг с другом. Выделение одного элемента в качестве основного может привести к игнорированию взаимосвязи между биологическими и социокультурными факторами [23]. Для анализа факторов, влияющих на делинквентное поведение юношей, осужденных за сексуальные пре-

ступления, наиболее эффективным является комплексный подход, который включает изучение как внешних многоуровневых психосоциальных факторов, так и внутренних психобиологических предпосылок, связанных с индивидуально-психологическими особенностями личности [20].

В исследованиях феномена преступного поведения и установок в отношении интимной, сексуальной сферы принимали участие ученые из различных отраслей науки, таких как криминология, социология, психология, педагогика и медицина. В области психологии исследования причин совершения правонарушений проводили А.Ю. Егоров, И.С. Кон, В.Н. Кудрявцев и другие. Учеными уделялось большое значение механизмам делинквентного поведения подростков и его профилактике (Ю.А. Клейберг [9], Н.В. Майсак [14] и др.).

Исследования гендерной сферы как составляющей личностного развития при различных вариантах отклоняющегося поведения, включая криминальное, были проведены немногими учеными. Ряд исследователей, таких как Л. Берковиц, А. Campbell, С.Н. Ениколопов и другие [19], уделяют особое внимание вопросу гендерных различий в проявлении агрессии. Е.Н. Казакова, О.Ю. Михайлова, Т.Г. Румянцева и другие исследователи занимались изучением гендерных различий в криминальной агрессии. Однако следует отметить, что большинство исследований посвящены психологическим закономерностям подросткового возраста. В научных исследованиях была выявлена лишь общая характеристика половых особенностей поведения осужденных в исправительных учреждениях, как отмечают Мусин и другие исследователи [11; 16].

Отсутствие научной проработки вопроса гендерных установок в качестве причины сексуальной агрессии и факторов криминальной ситуации ограничивает эффективность практической работы по предотвращению этого типа преступного поведения, а также затрудняет оценку совершенного преступления и определение индивидуальной ответственности. Недостаточная представленность данной проблемы также влияет на эффективность прогнозирования будущего поведения этих людей и качество программ психологической коррекции, предназначенных для работы с ними [6; 22].

Статья нацелена на исследование особенностей гендерной самооценки и характеристик субъективного гендерного восприятия у юношей, привлеченных к уголовной ответственности за нарушения сексуального характера.

В рамках данного исследования, объектом анализа стали юноши мужского пола, привлеченные к уголовной ответственности по статьям о сексуальных преступлениях (ст. 131 и ст. 132 УК РФ), включая случаи совокупности статей. В качестве контрольной группы были рассмотрены несовершеннолетние, ответственность за убийства и умышленное причинение вреда здоровью которых была установлена по ст. 102 и ст. 111 УК РФ. Общее число участников исследования составило 135 юношей в возрасте 16-18 лет.

МЕТОДОЛОГИЯ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование было выполнено в ходе судебно-психологических экспертиз и клинических психологических обследований, проведенных в Нижневартонской психоневрологической больнице. Кроме того, часть исследования проводилась в научно-экспертном консультационном центре по прикладной юридической психологии, который функционирует при кафедре юридической психологии и военной психологии факультета психологии Южного федерального университета, а также на кафедре управления персоналом и психологии Уральского федерального университета.

В эмпирическом исследовании для решения обозначенных задач использованы методики «Личностный семантический дифференциал», методика косвенного измерения системы самооценок (КИСС), оригинальная авторская методика «Гендерные стереотипы и ожидания в интимных отношениях» (Дзюман, Целиковский, 2011), авторский вариант методики «Шкала установок в отношении проявления насилия», методика «Шкала принятия мифов насилия», разработанная М.Р. Бурт в адаптации О.Ю. Михайловой и О.А. Романко (2014).

В рамках данной статьи мы остановим свое внимание на описании и результатах проведения лишь одной методики «Личностный семантический дифференциал», поскольку именно это позволит нам достичь поставленную в статье цель.

Для анализа особенностей гендерной самооценки и специфики субъективного гендерного пространства у исследуемых юношей мы использовали методику "Личностный семантический дифференциал" (ЛСД). Эта методика основана на концепции семантического дифференциала Ч. Осгуда и адаптирована к современному русскому языку, отражая устоявшиеся представления о структуре личности в нашей культуре.

Процедура исследования с использованием метода "Личностный семантический дифференциал" была стандартной. Исследуемые юноши оценивали предложенные образы на ряде биполярных шкал, где использовались "личностные" прилагательные и описательные характеристики. Полученные оценки были подвергнуты факторному анализу.

В ходе исследования представлялось необходимым рассмотреть особенности гендерной самооценки в контексте субъективного гендерного пространства, представленного через собственную категоризацию входящих в него объектов. В качестве таких объектов были рассмотрены «большинство мужчин», «большинство женщин», «большинство юношей-ровесников», «большинство девушек-ровесниц».

Использованный нами вариант методики был построен на основе разработок разных авторов (Д.В. Воронцов, О.Л. Кустова, В.Ф. Петренко, Н.П. Фетискин и др. и в окончательном виде включал следующие шкалы:

- оценки (общей привлекательности (Оц);
- инструментальность (деловые качества) (И);
- активность (А);
- воля (В)
- коммуникативность (К);
- эмоциональность (Эм)
- нравственность (Нр).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среднегрупповые показатели, полученные в основной группе эмпирического исследования, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты изучения гендерного восприятия в группе юношей, привлеченных к уголовной ответственности за совершение сексуальных преступлений (средн. знач.)

Объекты/Шкалы	Оц	И	Ак	В	К	Эм	Нр
Идеальный мужчина	25,41	20,20	23,14	27,12	17,86	10,08	24,56
Идеальная женщина	22,48	15,61	20,37	12,36	23,02	24,52	21,51
Оценка мужчин	23,60	19,88	20,35	25,27	16,20	11,99	10,25
Оценка женщин	17,16	15,56	15,62	11,09	21,75	24,55	16,62
Оценка юношей	20,28	15,14	17,68	16,78	14,59	14,49	15,48
Оценка девушек	11,47	10,81	22,07	15,01	19,73	15,26	8,27
Самооценка	12,66	15,83	14,83	10,83	11,88	16,65	18,02

Рассмотрим сначала представления об идеальных образах мужчин и женщин.

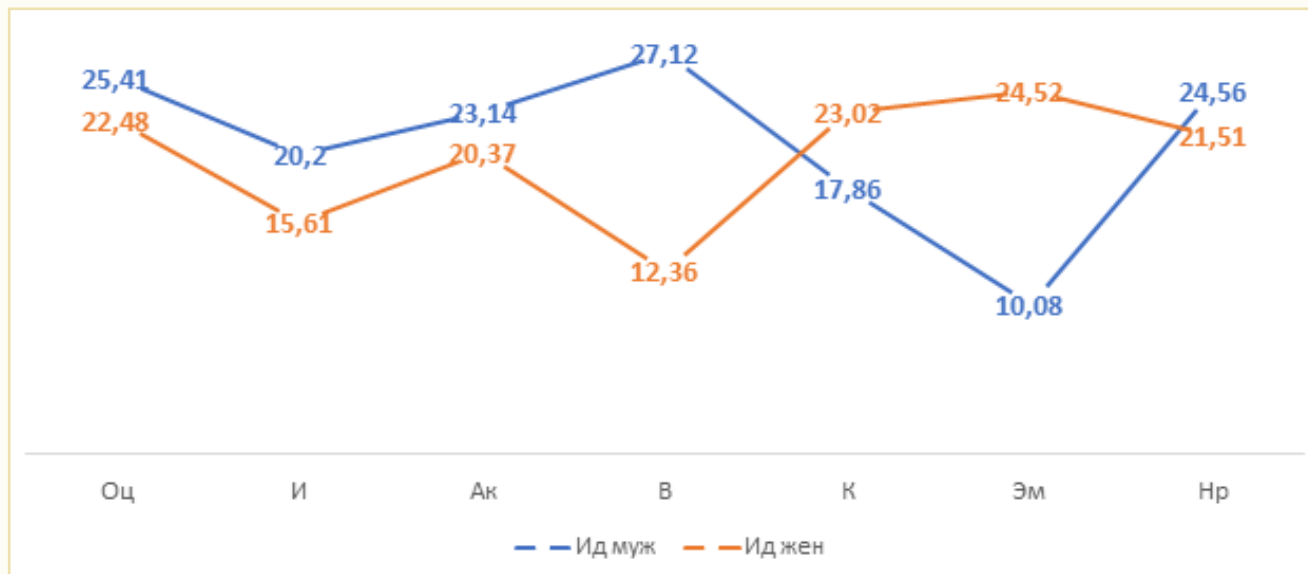

Рисунок 1 Представление об идеальных образах мужчин и женщин в группе сексуальных делинквентов

Как видно на рис. 1, образы идеальных мужчин и женщин у представителей этой группы дифференцированы, что указывает на достаточно высокий уровень солидарности с традиционными стереотипами маскулинности/фемининности.

Однако, если образ «мужчины» представляется традиционно, в нем преобладают маскулинные характеристики, связанные с волей и активностью, то женский образ выглядит достаточно противоречиво. Наряду с фемининными характеристиками (коммуникативность и эмоциональность) в нем получил высокие оценки уровень активности ($Ак_{ж} = 20,37$), который практически соответствует аналогичному показателю в образе мужчины ($Ам = 10,08$). Выраженность волевых качеств в женском образе достоверно ниже ($В_{ж} = 12,36$; $p < 0,01$).

Качественный анализ приписываемых характеристик также обнаруживает различия. Так, в группе инструментальных качеств в мужском образе более высокие значения получили такие характеристики, как «ответственный» и «инициативный», а в женском – «добросовестный» и «практичный». Следует отметить и то обстоятельство, что в характеристике женщин сочетаются противоречивые качества, например, «отзывчивость», «приветливость» и «дружелюбие».

Таким образом, можно полагать, что юноши, совершившие сексуальные деликты, ориентированы на традиционные стереотипы маскулинности, в которых на фоне высоких оценок качеств, приписываемых мужчинам («авторитетный», «уверенный в себе», «независимый», «активный» и т.п.), обнаруживаются низкие оценки по аффективным характеристикам (чувствительный, ранимый) и коммуникативным свойствам (отзывчивый, приветливый).

На рис. 2 отчетливо видно, что сексуальные делинквенты высоко оценивают «большинство мужчин»: профили, соответствующий этим представлениям, сходны по своей конфигурации, а соответствующие показатели достаточно близки.

График оценки «большинства юношей» отличается от оценок «большинства мужчин» менее выраженными качествами, традиционно считающихся маскулинными и более высокими оценками по группам характеристик, чаще оцениваемых как фемининные. То есть можно полагать, что, по мнению обследованных юношей, формирование маскулинности происходит за счет снижения женственных характеристик и нарастания маскулинных качеств. Причем в обоих профилях (мужчин и юношей) выявляется высокий показатель общей привлекательности ($Оц_{м} = 23,6$; $Оц_{ю} = 20,28$), что позволяет утверждать, что эти юноши в своем самооценивании ориентированы на образ мужчины и соответствующие образцы поведения.

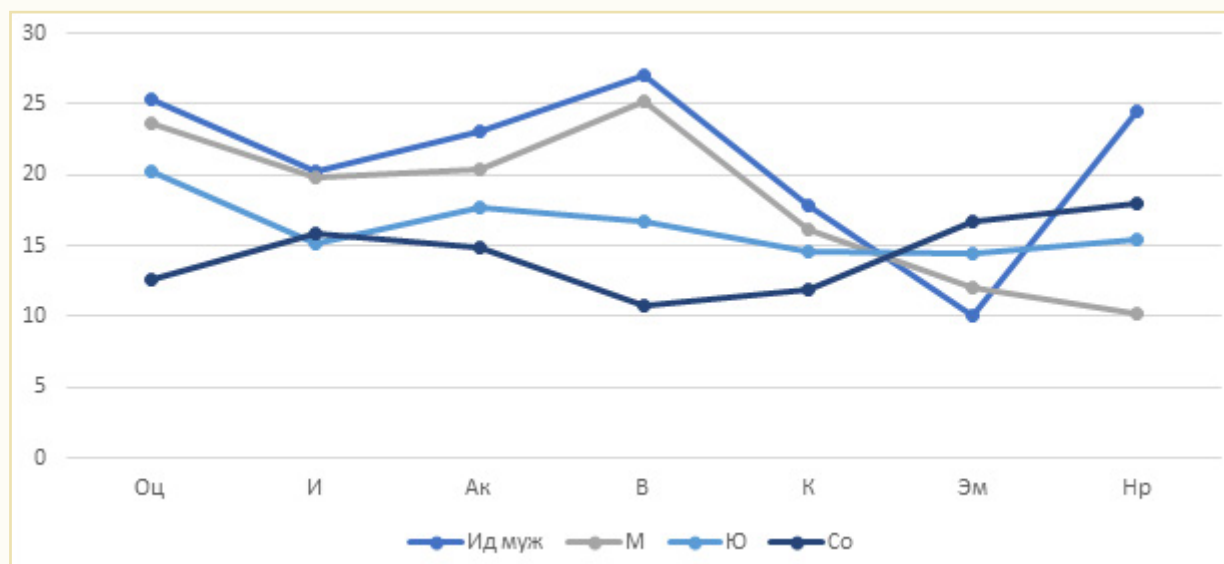

Рисунок 2 Соотношение оценок идеального мужчины с образами мужчин, юношей и самооценки

В то же время график, отражающий самооценку представителей этой группы, указывает на ее неадекватность, что выражается, с одной стороны, в достоверно более низких оценках сформированности у себя маскулинных характеристик, в частности, активности ($A_c = 14,83$; $p < 0,05$) и достоверно более выраженных эмоциональных качеств ($A_c = 16,65$; $p < 0,05$). С другой стороны, неадекватность самооценивания обнаруживается как низкий уровень самопринятия ($O_{cs} = 12,66$), причем различия с аналогичными показателями в оценках мужчин и юношей статистически значимы ($p < 0,05$).

Представления о большинстве женщин так же, как и в образах мужчин, близки к образу идеальной женщины. Соответствующие графики сходны по конфигурации, а выявляемые различия в аналогичных показателях не значимы. Исключение составляет показатель общей привлекательности, достоверно более высокий в профиле идеальной женщины ($O_{ид} = 22,48$; $O_{ж} = 17,16$; $p < 0,05$).

В то же время профиль «девушек-сверстниц» отличается от образов «идеальная женщина» и «большинство женщины» (см. рис. 3).

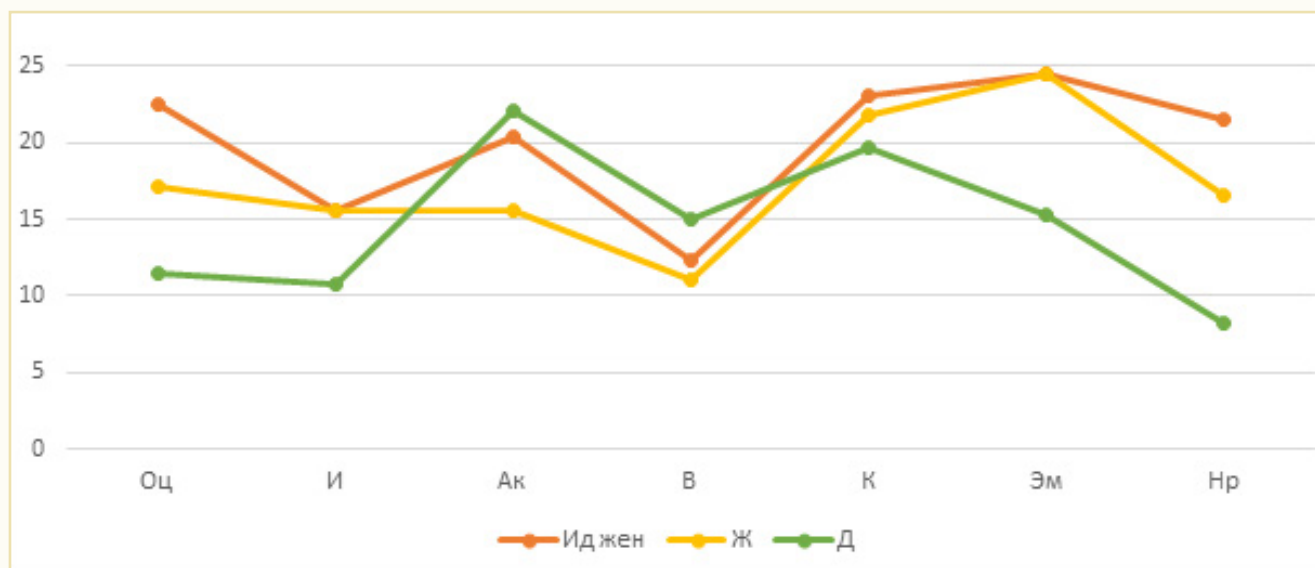

Рисунок 3 Соотношение оценок идеальной женщины с образами женщин и девушек

Следует отметить, что представители этой группы склонны приписывать большинству девушек достоверно более высокий уровень активности и волевых качеств по сравнению с женщинами вообще. Причем показатель общей привлекательности девушек самый низкий, а выявляемые различия с остальными аналогичными показателями статистически значимы ($p < 0,05$). Исключение составляет показатель самопринятия, который в количественном выражении несколько выше, но различия не достоверны.

Рассмотрим результаты, полученные в группе юношей, привлеченных к уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений. Данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты изучения гендерного восприятия в группе юношей, привлеченных к уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений (сред. знач.)

Объекты/Шкалы	Оц	И	Ак	В	К	Эм	Нр
Идеальный мужчина	23,34	21,28	25,43	24,29	15,62	11,08	14,95
Идеальная женщина	20,16	12,61	15,71	12,36	21,48	26,51	24,22
Оценка мужчин	21,55	19,88	20,35	25,27	16,20	11,99	10,25
Оценка женщин	16,62	11,43	16,62	10,09	20,57	24,85	19,64
Оценка юношей	25,28	16,19	18,75	18,78	18,33	14,46	9,82
Оценка девушек	15,47	14,28	22,07	16,12	19,36	15,63	10,24
Самооценка	24,87	15,94	17,18	19,68	17,79	12,65	10,02

На рис. 4 представлены профили образов идеального мужчины и идеальной женщины у представителей этой группы.

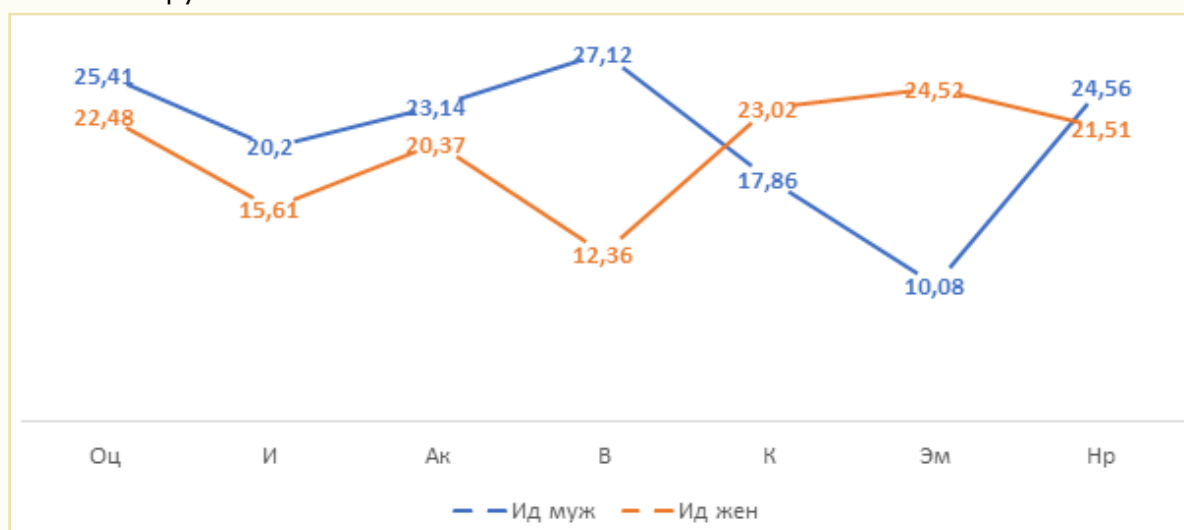

Рисунок 4 Представление об идеальных образах мужчин и женщин в группе насильственных делинквентов

Как видно на рис.4, образы идеальных мужчин и женщин у представителей этой группы жестко дифференцированы, фактически противопоставляясь друг другу. Причем в отличие от сексуальных делинквентов эти юноши четко приписывают мужчинам и женщинам соответствующие полу характеристики, что указывает на высокий уровень солидарности с традиционными стереотипами маскулинности/фемининности.

Соотношение профилей маскулинных образов в группе юношей, привлеченных к уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений, существенно отличается от группы сексуальных делинквентов (см. рис. 5).

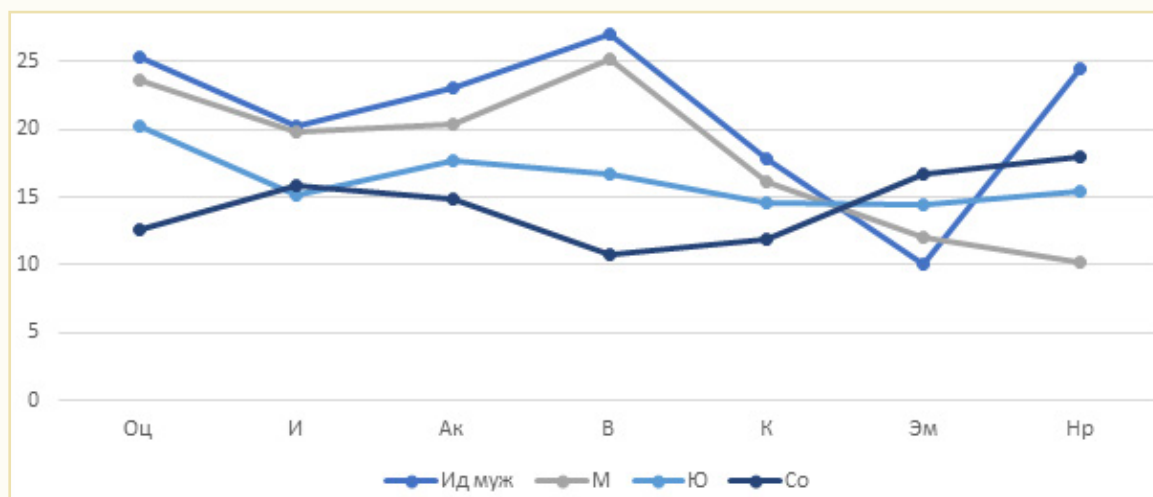

Рисунок 5 Соотношение оценок идеального мужчины с образами мужчин, юношей и самооценки у насильственных делинквентов

У представителей этой группы юношей рассматриваемые профили обнаруживают высокую степень сходства. Профили идеального мужчины и мужчин вообще характеризуются более высокими показателями выраженности маскулинных качеств, достоверно (на 95%-ном уровне) отличаясь от аналогичных показателей в профилях юношей-сверстников и в самооценке. Фемининные качества, напротив, выше в оценке юношей и самооценке, причем здесь выявляемые различия статистически не значимы. Можно полагать, что в представлениях этих юношей становление маскулинности происходит за счет формирования «истинно мужских» качеств, и уменьшения выраженности качеств женских (коммуникативности и эмоциональности). Причем высокий показатель своей общей привлекательности свидетельствует о том, что в самооценивании эти юноши ориентируются на сверстников.

На это обстоятельство указывает также близость графиков оценок юношей и девушек (см. рис. 6).

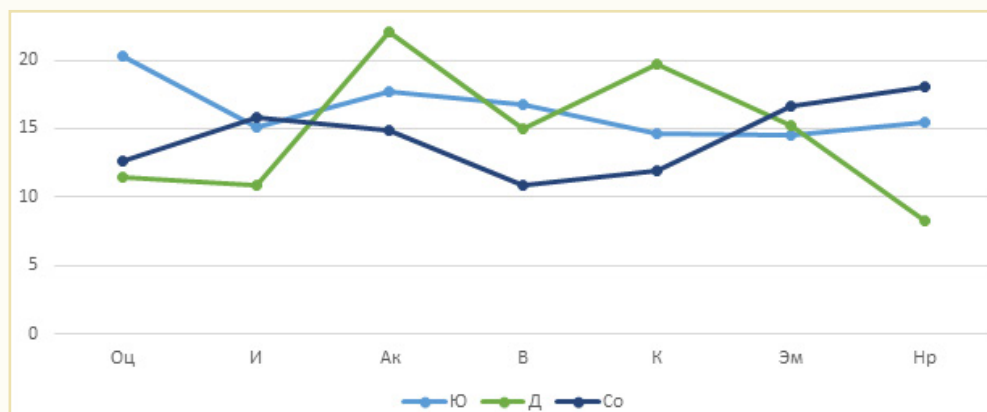

Рисунок 6 Соотношение оценок образов юношей и девушек и самооценки у насильственных делинквентов

Как видно на рис. 7, профиль образа юношей и самооценки этих делинквентов практически совпадает: имеющиеся различия статистически не значимы. Профиль, отражающий образ девушек-сверстниц, также по большинству параметров сходен с профилем самооценки. Различия обнаруживаются лишь в более высокой активности, приписываемой девушкам, по сравнению как с самооценкой, так и с аналогичным показателем в профиле юношей ($Ак_Д = 22,07$; $p < 0,05$; $Ак_Ю = 18,75$; $Ак_С = 17,18$) и менее выраженных по сравнению с самооценкой волевых качествах ($В_Д = 16,12$; $В_С = 19,68$; $p < 0,05$). Различия с аналогичным показателем в профиле юношей-сверстников обнаруживаются только на уровне тенденций ($В_Ю = 18,78$; $p < 0,10$).

В то же время, несмотря на сходство графиков по многим параметрам, показатель общей привлекательности девушек ($Оц_Д = 15,47$) достоверно на 99%-ом уровне ниже, чем аналогичные показатели в профиле юношей и самооценки ($Оц_Ю = 25,28$; $Оц_С = 24,87$).

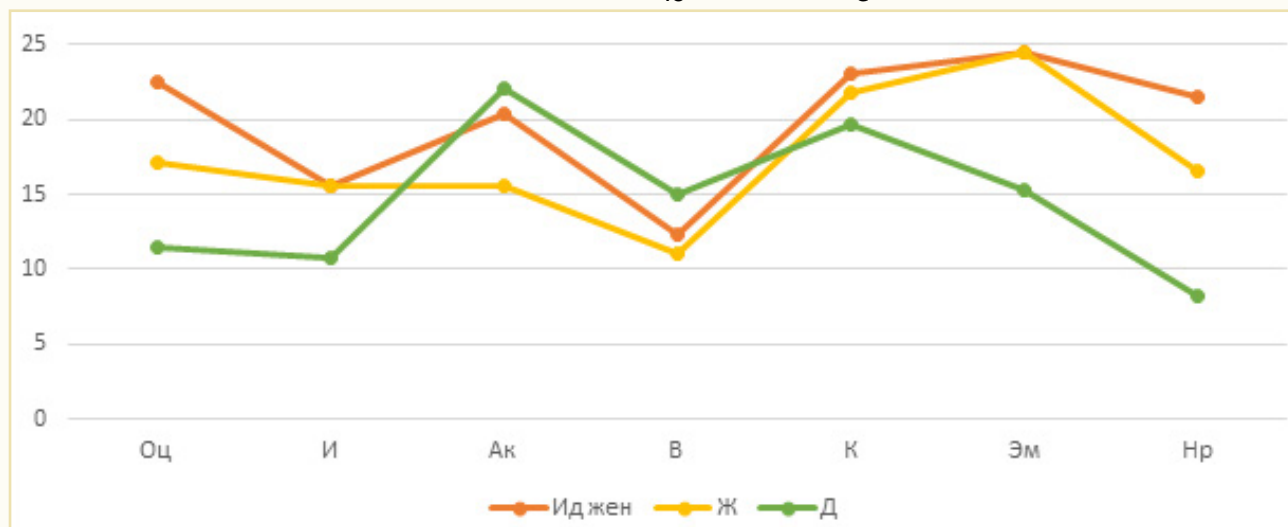

Рисунок 7 Соотношение оценок идеальной женщины с образами женщин и девушек в группе насильственных делинквентов

По сравнению с женскими образами в представлениях насильственных делинквентов девушкам-сверстницам приписывается большая выраженность маскулинных характеристик ($Ак_Д = 22,07$; $В_Д = 16,12$; $p < 0,05$) и меньшая традиционно фемининных свойств ($Эм_Д = 15,63$; $Нр_Д = 10,24$; $p < 0,01$). Однако в оценке общей привлекательности значимо отличается только профиль идеальной женщины ($p < 0,05$), а между показателями в профилях девушек и женщин таких различий не обнаружено.

Среднегрупповые показатели, полученные в группе просоциальных юношей представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты изучения гендерного восприятия в группе просоциальных юношей

	Оц	И	Ак	В	К	Эм	Нр
Идеальный мужчина	20,41	23,20	17,14	27,12	15,86	20,08	25,56
Идеальная женщина	20,48	20,61	16,37	12,36	13,02	23,52	22,51
Оценка мужчин	22,60	22,88	17,35	25,27	20,20	20,99	22,25
Оценка женщин	22,16	17,56	17,62	11,09	20,75	17,55	22,62
Оценка юношей	22,28	20,14	17,68	16,78	20,59	23,49	23,48
Оценка девушек	22,47	20,81	20,07	15,01	23,73	25,26	17,27
Самооценка	22,66	20,83	17,83	10,83	20,88	22,65	20,02

Ниже на рис. 8 представлены профили идеальных образов мужчины и женщины полученные в группе просоциальных юношей.

Как видно из данных табл. 3 и на рис. 8 профили, отражающие образы идеальных мужчины и женщины, так же, как и у представителей групп делинквентов, четко дифференцированы. Фактически исключение составляет шкала оценки общей привлекательности: соответствующие показатели профилей близки в количественном выражении ($Оц_{ИМ} = 20,41$; $Оц_{ИЖ} = 22,16$), и хотя общая привлекательность идеального мужчины в данной группе несколько выше, но выявляемые различия не значимы.

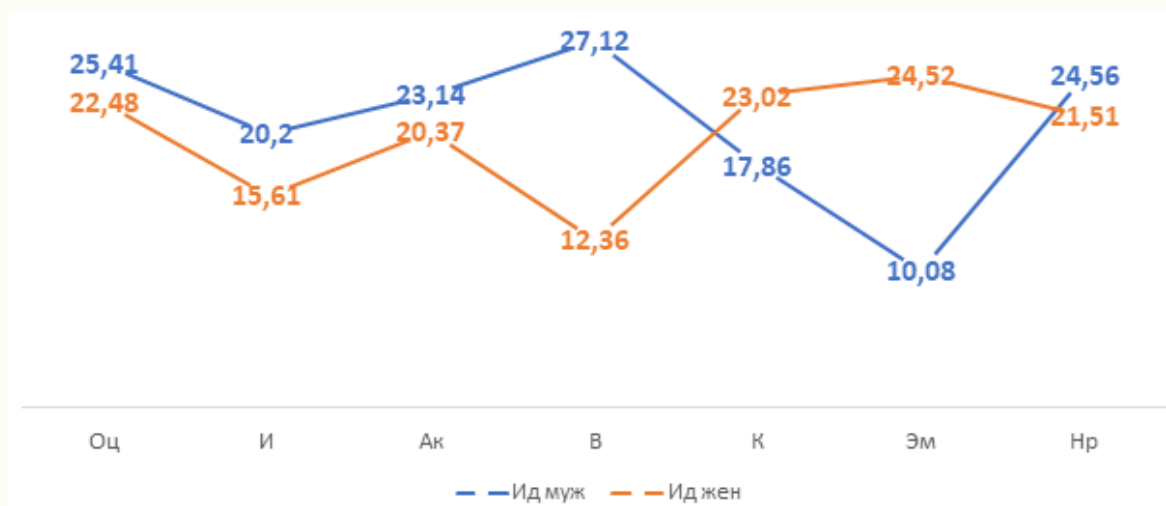

Рисунок 8 Представление об идеальных образах мужчин и женщин в группе просоциальных юношей

Соотношение профилей маскулинных образов в группе просоциальных юношей, и в группе юношей привлеченных к уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений, существенно отличается от группы сексуальных делинквентов (см. рис. 8).

Представляется интересным, что оценка общей привлекательности мужчин ниже, чем соответствующие показатели в профиле оценки «большинства юношей» и самооценки. Вероятно, здесь находят отражение элементы соперничества с отцом как этап становления маскулинности. Как отмечал И.С. Кон, утверждение юноши в роли мужчины проявляется в том, что он выше оценивает сверстников, с которыми идентифицирует себя, чем «мужчин», с которыми он идентифицирует отца. В целом маскулинные профили обнаруживают высокую степень сходства как по конфигурации, так и по количественной выраженности показателей.

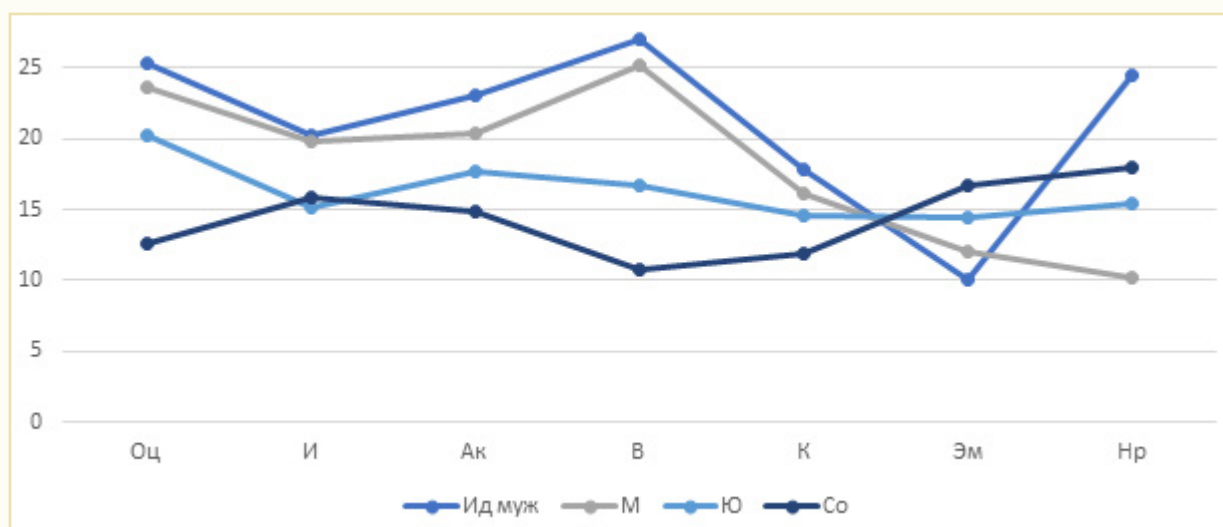

Рисунок 9 Соотношение оценок идеального мужчины с образами мужчин, юношей и самооценки у просоциальных юношей

В то время как профиль идеального мужчины расположен несколько выше в системе координат.

Профиль идеальной женщины, как уже отмечалось выше, по выраженности маскулинных и фемининных качеств соответствует традиционным стереотипам. Высока и оценка его общей привлекательности ($O_{иж} = 24,78$).

В профиле, отражающим оценку «большинства женщин», показатель общей привлекательности также достаточно высок ($Oц_{ж} = 20,37$): в количественном выражении он даже превышает привлекательность мужчин ($Oц_{м} = 19,49$), однако выявляемые различия статистически не значимы. По сравнению с идеалом женщинам приписывается более высокий уровень выраженности инструментальных качеств ($Иж = 16,84$; $Ии_{ж} = 15,94$), активности ($Ак_{ж} = 20,12$; $Ак_{иж} = 17,18$; $p < 0,05$) и эмоциональности ($Эм_{ж} = 25,63$; $Эм_{иж} = 21,42$; $p < 0,05$).

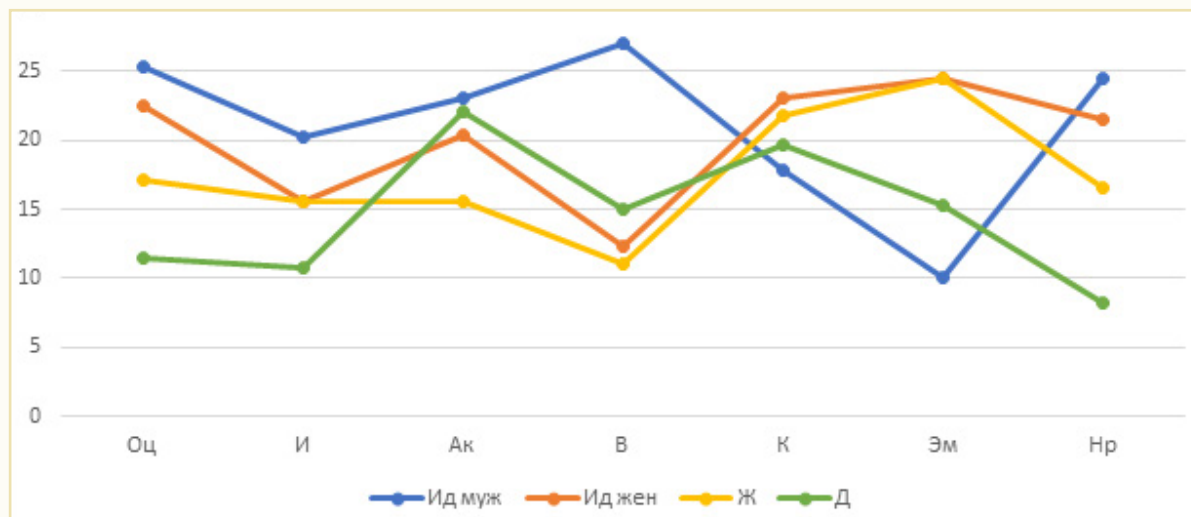

Рисунок 10 Соотношение оценок идеальной женщины с образами женщин и девушек в группе просоциальных юношей

Оценка общей привлекательности «большинства девушек» достоверно ниже, чем соответствующие показатели в профилях идеальной женщины и женщин вообще ($Oцд = 15,47$; $p < 0,05$). Девушкам представители этой группы приписывают меньшую по сравнению с идеалом и женщинами вообще выраженность инструментальных (деловых) качеств ($Иж = 12,51$; $p < 0,05$) и нравственных характеристик ($Нрд = 14,23$; $p < 0,05$). В то время уровень активности, приписываемый девушкам, выше, чем двух остальных профилей.

На рис. 11 представлены профили «самооценки», «большинства юношей» и «большинства девушек».

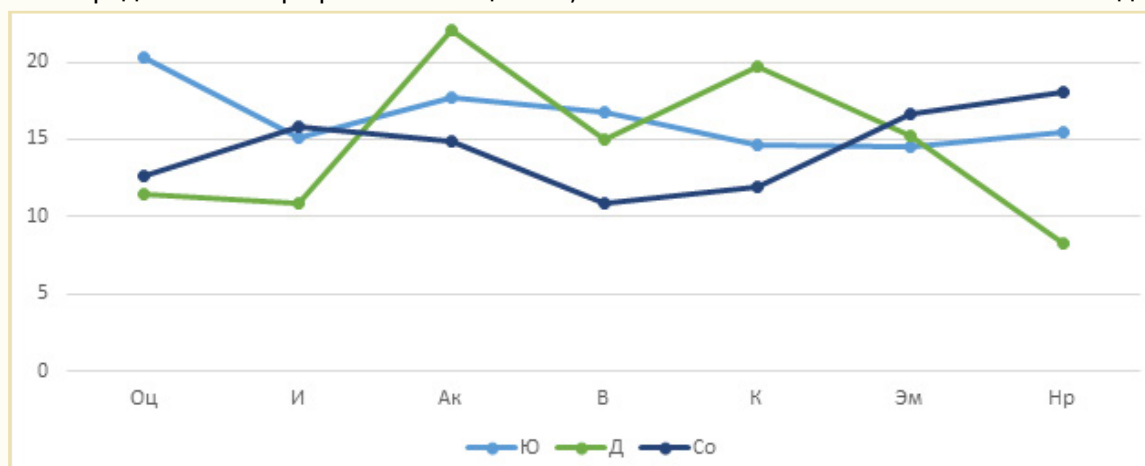

Рисунок 11 Соотношение оценок образов юношей и девушек и самооценки у просоциальных юношей

Полученные данные свидетельствуют о том, что просоциальные юноши, так же, как и насильственные делинквенты, в своей самооценке ориентируются на сверстников, на что указывает близость графиков «самооценки», «большинства юношей» и «большинства девушек». При этом отчетливой дифференциации по гендерным признакам в образах юношей и девушек не выявляется.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные в настоящем исследовании результаты, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне согласуются с результатами полученными Т.А. Гурко [5], Е. Н. Шутенко [29; 30], Н.В. Дворянчиковым [20], которые установили влияние социализации и процессов самосознания в формировании девиантности, а также с исследованиями механизмов возникновения враждебности С.А. Завражина, Л.А. Копченовой [32]. Мы согласны с тем, что крайне важно комплексно решать эту проблему как в медицинском, так и в социально-правовом контекстах. Теоретические перспективы, лежащие в основе исследований природы и этиологии феномена сексуальных преступлений, имеют фундаментальное значение для продвижения нашего понимания того, как предотвратить, уменьшить или устранить проблему для того, чтобы объединить различные аспекты знаний об этом явлении (А.С. Буреломова, М.А. Гулина, О.А. Тихомандрицкая [18]). Исследование проведенное среди лиц, совершивших уголовное преступление подтверждает суждение о том, что экспоненциальный рост преступности, насилия и правонарушений связан с дисфункцией в сдерживании агрессивных импульсов, что приводит к пренебрежению и неуважению к чувствам, правам и потребностям других людей. Две основные формы общения, вербальная и невербальная, служат людям для взаимодействия и обмена идеями и установками с другими людьми в повседневных жизненных ситуациях, в том числе в рамках уголовного расследования и уголовного правосудия (Željko Bjelajac, Božidar Banović [33]). Однако, результаты исследования мало учитывают условия формирования гендерных норм, о которых пишут М. Заславская, В. Агаджанян, и это может быть задачей следующих исследований, позволяющих создать более устойчивые программы профилактики насилия [31].

Мировая наука признает наличие фрагментарности исследований психологических основ насилия и важности комплексного и систематического исследования, как с точки зрения личности, так и социальной обусловленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Группа юношей, привлеченных к уголовной ответственности за совершение сексуальных преступлений, характеризуется выраженной дифференциацией гендерных стереотипов. Это обнаруживается в противопоставлении как идеальных образов мужчины и женщины, так и в полярности их представлений о мужчинах и женщинах, юношах и девушках. При этом в своем самооценивании эти юноши ориентируются на идеальные образы маскулинности и гипермаскулинные модели поведения, что и находит отражение в наличии внутриличностных конфликтов и неадекватности их гендерной самооценки. Их сексуально агрессивное поведение носит, по-видимому, компенсаторный характер, функцией которого является потребность утвердить себя в своих глазах и в глазах окружающих в качестве «настоящего мужчины» [24].

В обеих контрольных группах также обнаруживается поляризация идеальных образов мужчины и женщины. Однако в представлениях о «большинстве мужчин» и «большинстве женщин» эти юноши менее категоричны. Хотя обнаруживаются качественные различия при оценке ими выраженности отдельных качеств у мужчин и женщин. Так среди инструментальных (деловых) качеств в образе мужчин выделяется «предприимчивость», а в образе женщин – «практичность». Четкой дифференциации образа юношей и девушек по гендерным характеристикам не выявлено.

В самооценивании насильственные делинквенты и просоциальные юноши ориентируются на сверстников, что определяет достаточно высокий уровень самопринятия и адекватность самооценивания.

В то же время в отличие от просоциальных юношей в обеих группах делинквентов (и сексуальных и насильственных) обнаруживаются низкие показатели оценки общей привлекательности девушек, достоверно отличающиеся от аналогичных показателей в профиле юношей.

Результаты исследования имеют конкретное практическое значение в рамках судебно-психологической экспертизы для научно обоснованной психолого-правовой оценки личности несо-

вершеннолетних, совершивших криминальные сексуально агрессивные деликты. Обнаруженные в ходе исследования гендерные особенности несовершеннолетних, совершивших преступления против половой неприкосновенности, позволяют разработать систему эффективных мероприятий, как для предотвращения таких преступлений, так и в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о половых преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а также превенции рецидива таких преступлений.

Представленные теоретические аспекты и результаты экспериментального исследования представляют ценный материал для интеграции в учебные программы различных курсов. В частности, они могут быть включены в содержание таких дисциплин, как «Психология развития», «Юридическая психология», «Судебно-психологическая экспертиза» и «Психология правомерного поведения» для студентов факультета психологии.

Кроме того, результаты исследования могут быть востребованы при преподавании курсов, посвященных анализу девиантного поведения и психологической профилактике аддиктивного поведения юношей. Их использование также будет полезно в рамках образовательных программ для работников образования, таких как «Психологическое обеспечение профилактики девиантного поведения учащихся», проводимых в институтах повышения квалификации [26].

Более того, данное исследование может быть успешно интегрировано в обучение студентов факультета психологии через курсы «Клиническая психология», «Практический психолог в социальной сфере», «Проблемы работы с молодежью», «Психология социальной работы» и «Психофизиология».

Подводя итог, результаты исследования могут быть использованы при проведении лекций и практических занятий по различным дисциплинам, таким как «Социальная психология» и «Медицинская психология», способствуя более глубокому пониманию студентами важных аспектов в области психологии. Полученные новые экспериментальные данные могут найти применение в научных психолого-правовых исследованиях, методических разработках, а также в практической работе психологов и криминологов, занимающихся проблемами ранней диагностики, оценки и коррекции сексуально-насильственного поведения несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 512 с.
2. Бойко И.Б. Психодиагностическая оценка агрессивности несовершеннолетних осужденных // Наказание: законность, справедливость, гуманизм. Рязань, 1994. С. 137-138.
3. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1999.
4. Гуггенбуль А. Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости и борьба с ними. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. 224 с.
5. Гурко Т. А. Динамика жизнедеятельности и факторы благополучия подростков // Мир России. Социология. Этнология. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-zhiznedeyatelnosti-i-factory-blagopoluchiya-podrostkov> (дата обращения: 19.07.2024)
6. Дзюман Е.М., Целиковский С.Б., Котова Т.А., Михайлова О.Ю. Модели гендерной делинквентности // Российский психологический журнал. 2012. Т. 9. № 3. С. 41-48.
7. Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2001. № 3. С. 100-115. URL: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=56071> (дата обращения: 19.07.2024)
8. Garduno L.S. How Influential are Adverse Childhood Experiences (ACEs) on Youths?: Analyzing the Immediate and Lagged Effect of ACEs on Deviant Behaviors. Journal of Child & Adolescent Trauma. 2022. Vol. 15. P. 683-70. <https://doi.org/10.1007/s40653-021-00423-4>.
9. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. М.: ТЦ Сфера, при участии Юрайт-М, 2001. 160 с.
10. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2007. 126 с.
11. Курочкина И.А., Зеер Э.Ф. Развитие гендерной идентичности детей-сирот подросткового возраста: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2022. 160 с.
12. Курочкина И.А., Пузырев В.В. Гендерная идентичность личности в контексте семейной системы // Педагогическое образование в России. 2019. № 9. С. 157-162.
13. Литвишков В.М., Митькина А.В. Пенитенциарная педагогика. М.: МПСИ, 2004. 400 с.

14. Майсак Н.В. Матрица социальных девиаций: классификация типов и видов девиантного поведения // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 4. С. 78-86.
15. Профилактика девиантного поведения обучающихся в условиях образовательной организации. Коллективная монография / Под редакцией Н.Н. Васягиной, Е.А. Казаевой. Екатеринбург, 2018. 261 с.
16. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
17. Astle, S. M., & Anders, K. M. The Relationship Between Topic-Specific Quality of Parent-Child Sexual Communication and Measures of Sexual Self-Concept and Sexual Subjectivity // *The Journal of Sex Research*. 2022. Vol. 60(7). P. 1055-1067. <https://doi.org/10.1080/00224499.2022.2081312>
18. Burelomova A. S., Gulina M. A., Tikhomandritskaya O. A. Intimate partner violence: an overview of the existing theories, conceptual frameworks, and definitions // *Psychology in Russia*. 2020. Vol. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intimate-partner-violence-an-overview-of-the-existing-theories-conceptual-frameworks-and-definitions> (дата обращения: 19.07.2024)
19. Campbell A. Sex differences in direct aggression: What are the psychological mediators? // *Агрессия и насильственное поведение*. 2006. № 11. P. 237-64. DOI: 10.1016/j.avb.2005.09.002
20. Dvoryanchikov N. V., Bovina I. B., Delibalt V. V., Dozortseva E. G., Bogdanovich N. V., Rubtsova O. V. Deviant online behavior in adolescent and youth circles: in search of a risk assessment model // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2020. Vol. 2. P. 105-119.
21. Fernandez, D., White, S., Smith, H. C. M., Connor, P. M., and Ryan, M. Gender inequality in science, technology, engineering and mathematics: gendered time disparities in perceived and actual time spent in practical laboratory-based activities // *Frontiers in education*. 2023. Vol. 8. P. 1194968. doi: 10.3389/educ.2023.1194968
22. Gawęł, A., and Krstić, M. Gender gaps in entrepreneurship and education levels from the perspective of clusters of european countries // *Journal of Developmental Entrepreneurship*. 2021. Vol. 26. P. 2150024. doi: 10.1142/S1084946721500242
23. Kostyunina N.Y., Kazaeva E.A., Karimova R.B. The pedagogical support for preschool children with deviant behavior // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. no. 3. P. 129-140. DOI: 10.12973/ijese.2016.297a
24. Lateef, R., & Jenney, A. Understanding Sexually Victimized Male Adolescents With Sexually Abusive Behaviors: A Narrative Review and Clinical Implications // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2021. Vol. 22(5). P. 1169-1180. <https://doi.org/10.1177/1524838020906558>
25. Lim Y.Y., Wahab S., Kumar J., Ibrahim F., Kamaluddin M.R. Typologies and Psychological Profiles of Child Sexual Abusers: An Extensive Review // *Children*. 2021. Vol. 8(5). P. 333. <https://doi.org/10.3390/children8050333>
26. Malvaso, C. G., Proeve, M., Delfabbro, P., & Cale, J. Characteristics of children with problem sexual behaviour and adolescent perpetrators of sexual abuse: a systematic review // *Journal of Sexual Aggression*. 2019. Vol. 26(1). P. 36-61. <https://doi.org/10.1080/13552600.2019.1651914>
27. Okunlola, O. B., Odukoya, J. A., Gesinde, A. M., & Amoo, E. O. Outcomes of sexual abuse on self-esteem among adolescents: A systematic review // *Cogent Social Sciences*. 2020. Vol. 7(1). <https://doi.org/10.1080/23311886.2020.1856296>
28. Sakaluk, J. K., Kim, J., Campbell, E., Baxter, A., & Impett, E. A. Self-esteem and sexual health: a multilevel meta-analytic review // *Health Psychology Review*. 2019. Vol. 14(2). P. 269-293. <https://doi.org/10.1080/17437199.2019.1625281>
29. Shutenko, E. N., Derevyanko, Ju. P., Kanishcheva, M. A., Kovtun, Ju. J., & Lokteva, A. V. Development of students' constructive self-consciousness experience in psychodrama process // *Perspectives of Science and Education*. 2020. Vol. 47 (5), P. 304-318. doi: 10.32744/pse.2020.5.21
30. Tokareva Yu.A., Dzuman E.M. Personal attitudes of young men prosecuted for commission of sexual offences // *Lurian Journal*. 2021. vol. 2. no. 2. P. 86-96.
31. Zaslavskaya M., Agadjanian V. Gender Attitudes Across Generations in Contemporary Armenian Society (Comparative Analysis) // *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. 2022. no. 2 (36). pp. 48-60. DOI: 10.46991/BYSU: F/2022.13.2.048
32. Zavrazhin S.A., Kopchenova L.A. Gender Features of Ressentiment among University Students // *Integration of Education*. 2023. no. 27(2). pp. 227-244. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.111.Q27.2Q23Q2.227-244>
33. Željko Bjelajac, Božidar Banović Criminal Profiling as a Method of Detecting Lies in Nonverbal Communication // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2024. no. 1. P. 229-238. DOI: 10.23947/2334-8496-2024-1-229-238
34. Zhang, H., Wang, W., Liu, S., Feng, Y., & Wei, Q. A Meta-Analytic Review of the Impact of Child Maltreatment on Self-Esteem: 1981 to 2021 // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2023. Vol. 24(5). P. 3398-3411. <https://doi.org/10.1177/15248380221129587>

REFERENCES

1. Berkowitz L. Aggression: Causes, Consequences, and Control. Saint-Petersburg, Prime-EVROZNAK Publ., 2001. 512 p. (in Russ.)
2. Boyko I.B. Psychodiagnostic Assessment of Aggressiveness of Juvenile Convicts. Punishment: Legality, Justice, Humanism, 1994, pp. 137-138.

3. Baron R., Richardson D. Aggression. Saint-Petersburg, Piter Publ., 1999. (in Russ.)
4. Guggenbühl A. The Sinister Charm of Violence. Prevention of Childhood Aggression and Cruelty and the Fight Against Them. Saint-Petersburg, Humanitarian Agency "Academic Project" Publ., 2000. 224 p. (in Russ.)
5. Gurko T.A. Dynamics of Life and Factors of Well-Being of Adolescents. *The World of Russia. Sociology. Ethnology*, 2023, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-zhiznedeyatelnosti-i-factory-blagopoluchiya-podrostkov> (accessed 19 July 2024).
6. Dzyuman E.M., Tselikovskiy S.B., Kotova T.A., Mikhailova O.Yu. Models of gender delinquency. *Russian Psychological Journal*, 2012, Vol. 9, no. 3, pp. 41-48.
7. Enikolopov S.N., Dvoryanchikov N.V. Concepts and prospects for the study of gender in clinical psychology [Electronic resource]. *Psychological Journal*, 2001, no. 3, pp. 100-115. Available at: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=56071> (accessed 19 July 2024).
8. Garduno L.S. How Influential are Adverse Childhood Experiences (ACEs) on Youths?: Analyzing the Immediate and Lagged Effect of ACEs on Deviant Behaviors. *Journal of Child & Adolescent Trauma*, 2022, vol. 15, pp. 683-70. <https://doi.org/10.1007/s40653-021-00423-4>.
9. Kleiberg Yu.A. Psychology of deviant behavior: a textbook for universities. Moscow, TC Sfera Publ., with the participation of Yurait-M Publ., 2001. 160 p. (in Russ.)
10. Kudryavtsev V.N. The struggle of motives in criminal behavior. Moscow, Norma Publ., 2007. 126 p. (in Russ.)
11. Kurochkina I.A., Zeer E.F. Development of gender identity of adolescent orphans: monograph. Ekaterinburg, RGPPU Publ., 2022. 160 p. (in Russ.)
12. Kurochkina I.A., Puzyrev V.V. Gender identity of the individual in the context of the family system. *Pedagogical education in Russia*, 2019, no. 9, pp. 157-162.
13. Litvishkov V.M., Mitkina A.V. Penitentiary pedagogy. Moscow, MPSI Publ., 2004. 400 p. (in Russ.)
14. Maisak N.V. Matrix of social deviations: classification of types and kinds of deviant behavior. *Modern problems of science and education*, 2010, no. 4, pp. 78-86.
15. Prevention of deviant behavior of students in an educational organization. Collective monograph. Edited by N.N. Vasyagina, E.A. Kazaeva. Yekaterinburg, USPU Publ., 2018. 261 p. (in Russ.)
16. Safuanov F.S. Psychology of criminal aggression. Moscow, Smysl Publ., 2003. 300 p. (in Russ.)
17. Astle, S. M., & Anders, K. M. The Relationship Between Topic-Specific Quality of Parent-Child Sexual Communication and Measures of Sexual Self-Concept and Sexual Subjectivity. *The Journal of Sex Research*, 2022, no. 60(7), pp. 1055-1067. <https://doi.org/10.1080/00224499.2022.2081312>
18. Burelomova A. S., Gulina M. A., Tikhomandritskaya O. A. Intimate partner violence: an overview of the existing theories, conceptual frameworks, and definitions. *Psychology in Russia*, 2020, no. 3, pp. 128-144. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/intimate-partner-violence-an-overview-of-the-existing-theories-conceptual-frameworks-and-definitions> (accessed 19 July 2024).
19. Campbell A. Sex differences in direct aggression: What are the psychological mediators? *Aggression and violent behavior*, 2006, no. 11, pp. 237-264. DOI: 10.1016/j.avb.2005.09.002
20. Dvoryanchikov N. V., Bovina I. B., Delibalt V. V., Dozortseva E. G., Bogdanovich N. V., Rubtsova O. V. Deviant online behavior in adolescent and youth circles: in search of a risk assessment model. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 2020, no. 2, pp. 105-119. doi: 10.5937/IJCRSEE2002105D
21. Fernandez, D., White, S., Smith, H. C. M., Connor, P. M., and Ryan, M. Gender inequality in science, technology, engineering and mathematics: gendered time disparities in perceived and actual time spent in practical laboratory-based activities. *Frontiers in education*, 2023, no. 8, pp. 1194968. doi: 10.3389/educ.2023.1194968
22. Gawel, A., and Krstić, M. Gender gaps in entrepreneurship and education levels from the perspective of clusters of european countries. *Journal of Developmental Entrepreneurship*, 2021, no. 26, pp. 2150024. doi: 10.1142/S1084946721500242
23. Kostyunina N.Y., Kazaeva E.A., Karimova R.B. The pedagogical support for preschool children with deviant behavior. *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, vol. 11, no. 3, pp. 129-140. DOI: 10.12973/ijese.2016.297a
24. Lateef, R., & Jenney, A. Understanding Sexually Victimized Male Adolescents With Sexually Abusive Behaviors: A Narrative Review and Clinical Implications. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2021, no. 22(5), pp. 1169-1180. <https://doi.org/10.1177/1524838020906558>
25. Lim YY, Wahab S, Kumar J, Ibrahim F, Kamaluddin MR. Typologies and Psychological Profiles of Child Sexual Abusers: An Extensive Review. *Children*, 2021, no. 8(5), pp. 333. <https://doi.org/10.3390/children8050333>
26. Malvaso, C. G., Proeve, M., Delfabbro, P., & Cale, J. Characteristics of children with problem sexual behaviour and adolescent perpetrators of sexual abuse: a systematic review. *Journal of Sexual Aggression*, 2019, no. 26(1), pp. 36-61. <https://doi.org/10.1080/13552600.2019.1651914>
27. Okunlola, O. B., Odukoya, J. A., Gesinde, A. M., & Amoo, E. O. Outcomes of sexual abuse on self-esteem among adolescents: A systematic review. *Cogent Social Sciences*, 2020, no. 7(1). <https://doi.org/10.1080/23311886.2020.1856296>
28. Sakaluk, J. K., Kim, J., Campbell, E., Baxter, A., & Impett, E. A. Self-esteem and sexual health: a multilevel meta-analytic review. *Health Psychology Review*, 2019, no. 14(2), pp. 269-293. <https://doi.org/10.1080/17437199.2019.1625281>
29. Shutenko, E. N., Derevyanko, Ju. P., Kanishcheva, M. A., Kovtun, Ju. J., & Lokteva, A. V. Development of students' constructive self-consciousness experience in psychodrama process. *Perspectives of Science and Education*, 2020, no. 47 (5), pp. 304-318. doi: 10.32744/pse.2020.5.21

30. Tokareva Yu.A., Dzuman E.M. Personal attitudes of young men prosecuted for commission of sexual offences. *Lurian Journal*, 2021, Vol. 2, no. 2, pp. 86-96.
31. Zaslavskaya M., Agadjanian V. Gender Attitudes Across Generations in Contemporary Armenian Society (Comparative Analysis). *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*, 2022, no. 2 (36), pp. 48-60. DOI: 10.46991/BYSU: F/2022.13.2.048
32. Zavrzhin S.A., Kopchenova L.A. Gender Features of Ressentiment among University Students. *Integration of Education*, 2023, no. 27(2), pp. 227-244. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.111.Q27.2Q23Q2.227-244>
33. Željko Bjelajac, Božidar Banović Criminal Profiling as a Method of Detecting Lies in Nonverbal Communication. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 2024, no. 1, pp. 229-238. DOI: 10.23947/2334-8496-2024-12-1-229-238
34. Zhang, H., Wang, W., Liu, S., Feng, Y., & Wei, Q. A Meta-Analytic Review of the Impact of Child Maltreatment on Self-Esteem: 1981 to 2021. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2023, no. 24(5), pp. 3398-3411. <https://doi.org/10.1177/15248380221129587>

Авторы

Дзюман Елена Михайловна

(Россия, Нижневартовск)

Клинический психолог

Нижневартовская психоневрологическая больница

E-mail: poliklinika@npnd.ru

ORCID ID: 0000-0003-1843-7369

Токарева Юлия Александровна

(Россия, Екатеринбург)

Доцент, доктор психологических наук, зав. кафедрой

управления персоналом и психологии

Уральский федеральный университет

E-mail: ulia.tokareva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8868-7833

Казаева Евгения Анатольевна

(Россия, Екатеринбург)

Доцент, доктор педагогических наук, профессор кафедры

управления персоналом и психологии

Уральский федеральный университет

E-mail: kazaevaevg@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0703-1673

Scopus ID: 57142574000

Курочкина Ирина Александровна

(Россия, Екатеринбург)

Доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и профессионального развития

Российский государственный профессионально-

педагогический университет

E-mail: superquen@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0353-8474

Authors

Elena M. Dzyuman

(Russia, Nizhnevartovsk)

Clinical psychologist

Nizhnevartovsk Psychoneurological Hospital

E-mail: poliklinika@npnd.ru

ORCID ID: 0000-0003-1843-7369

Yuliya A. Tokareva

(Russia, Yekaterinburg)

Associate Professor, Dr. Sci. (Psychology), Head of the

Department of personnel management and psychology

Ural Federal University

E-mail: ulia.tokareva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8868-7833

Evgeniya A. Kazaeva

(Russia, Yekaterinburg)

Associate Professor, Dr. Sci. (Educ.), Professor of the

Department of Personnel Management and Psychology

Ural Federal University

E-mail: kazaevaevg@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0703-1673

Scopus ID: 57142574000

Irina A. Kurochkina

(Russia, Yekaterinburg)

Associate Professor, Cand. Sci. (Psychology), Associate

Professor of the Department of Psychology of Education

and Professional Development. Russian State Vocational

Pedagogical University

E-mail: superquen@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0353-8474

Вклад авторов

Дзюман Е. М.: проведение исследования
Токарева Ю. А.: концептуализация, методология
Казаева Е. А.: создание черновика рукописи, создание рукописи и её редактирование
Курочкина И. А.: формальный анализ

Author's contribution

Elena M. Dzyuman: Investigation
Yuliya A. Tokareva: Conceptualization, Methodology
Evgeniya A. Kazaeva: Writing - Original Draft, Writing - Review & Editing
Irina A. Kurochkina: Formal analysis

© Дзюман Е. М., Токарева Ю. А., Казаева Е. А.,
 Курочкина И. А., 2025

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

© Elena M. Dzyuman, Yuliya A. Tokareva,
 Evgeniya A. Kazaeva, Irina A. Kurochkina, 2025

The author's declared no conflicts of interest